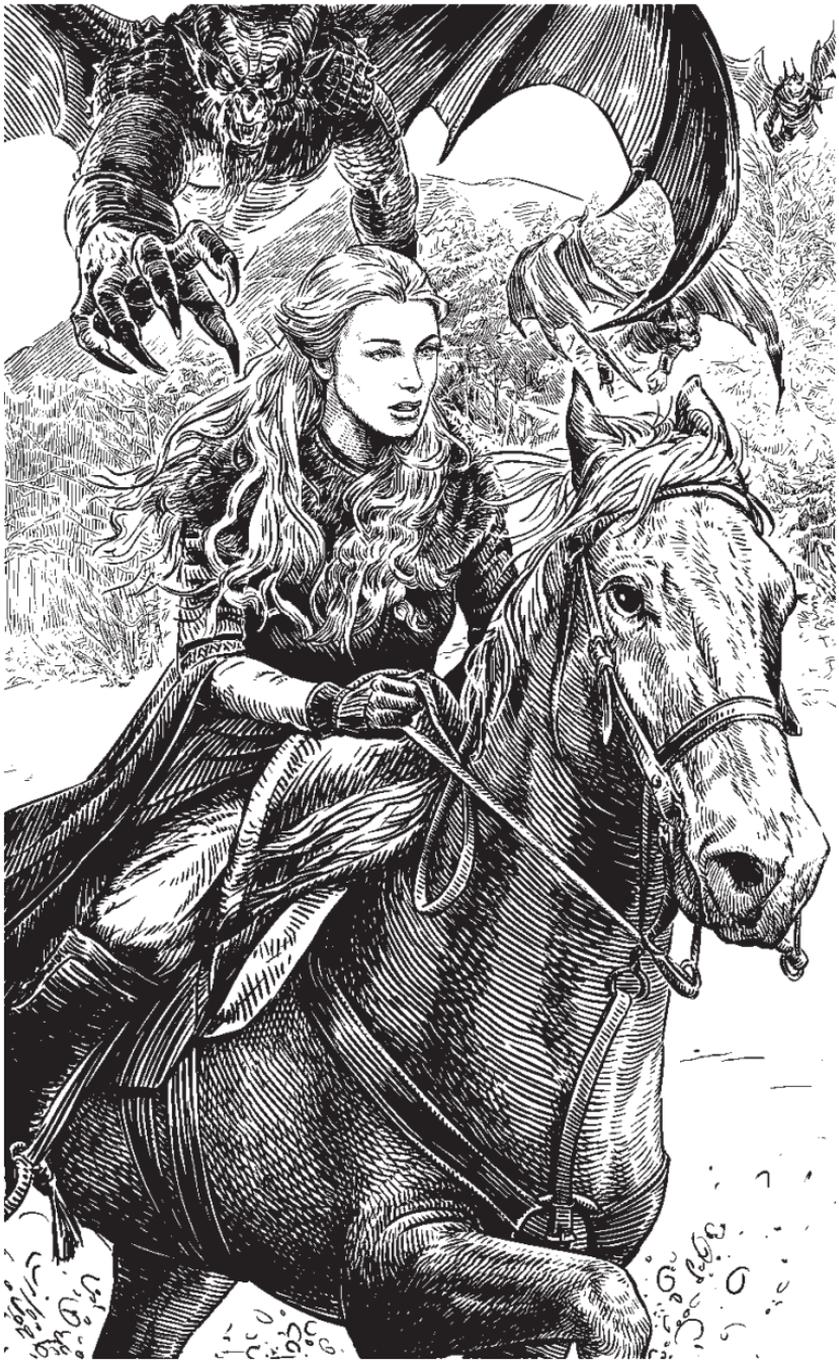

Юлия Риа

ИГРУШКА ДЕМОНА
ПРОКЛЯТИЕ ДЕМОНА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юлия Риа

Проклятие демона

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2019

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р49

Серия основана в 2011 году
Выпуск 419

Художник
А. Клепаков

Риа Ю.

Р49 Проклятие демона: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2844-1

Мне казалось, в этом мире страшно быть человеком. Но, став наследницей одного из двенадцати домов, я поняла — быть полукровкой намного страшнее. Высшие демоны ополчились против меня. Интриги, покушения, угрозы... Как в круговороте опасностей выжить и не потерять себя? А тем более сохранить любовь?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Юлия Риа, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2844-1

ГЛАВА 1

— Дорогие гости, в эту особенную ночь я хочу представить вам кое-кого не менее особенного...

Голос Маорелия Рингвардаада, главы шестого рода высших демонов, звучал торжественно и громко. Он эхом расходился по празднично украшенному залу и уносился вверх, под потолок, будто стремясь затеряться в зачарованном снегопаде. Этому голосу внимали все присутствующие. Сотни высших в дорогих нарядах и родовых украшениях, с кокетливыми масками, прикрывающими верхнюю часть лица, с хрустальными бокалами игристого вина... Все они смотрели на Маорелия и меня, замершую по левую руку от него.

Я стояла, изо всех сил стараясь казаться невозмутимой и уверенной. Спина прямая, подбородок вздернут, дыхание... Пожалуй, только оно и могло выдать обуревающие меня страхи.

В поисках якоря я скользила взглядом по толпе, пока не нашла того, кого высматривала, — юную демоницу с собранными в высокие хвостики белыми волосами и в золотой маске, не скрывающей напряженного взгляда черно-серебристых глаз.

Маорелий все говорил и говорил, взывая к добрым отношениям между высшими, напоминая об особенно-

сти сегодняшней ночи, о волшебстве самого праздника. А потом он повернулся ко мне:

— Дорогая, будь добра, сними маску.

Пять слов прозвучали слишком быстро, слишком коротко. Но вместе с тем показалось, что на каждое из них мое сердце успело трижды стукнуться о ребра.

Стараясь сохранять внешнее спокойствие, я выполнила просьбу и снова оглядела толпу. Праздничные полумаски не скрывали выражения глаз, я отчетливо видела эмоции, отражающиеся на лицах высших: недоверие, непонимание, смятение.

— Уважаемые махры, — снова обратился к гостям Маорелий, — позвольте представить вам Сатрею Рингвардаад — мою наследницу и родную дочь, чьей матерью была человеческая женщина.

Вместе с последним звуком на зал обрушилась тишина, казалось, полная скрытой ненависти и злобы. Лица всех в этом зале теперь выражали лишь одну эмоцию — гнев. Точнее, почти всех. Черно-серебристые глаза в прорези золотой ажурной маски глядели на меня с удивлением и... беспокойством?

— Я признаю Сатрею Рингвардаад наследницей шестого рода, — громко произнес Кеорсен, делая шаг вперед и снимая маску. — Отныне и навсегда она должна оставаться истинной дочерью своего рода и нашего вида, чтить прошлое и нести ответственность перед будущим. Да будет она достойна оказанной чести.

— Я признаю Сатрею Рингвардаад. — Рейшар говорил уверенно, твердо. — Да одарит Великий ее благодатью.

— Я признаю Сатрею Рингвардаад наследницей шестого рода и приветствую ее в рядах высших.

Я не поверила собственным ушам. Амарелия? Да, вряд ли она пошла бы против воли брата, но все же я не

ожидала увидеть ее в числе первых признавших. И пусть взгляд демоницы горел недовольством, я все равно была ей благодарна.

— Я признаю Сатрею... — Звонкий голос Лунары едва слышно подрагивал, когда она произносила заветные слова.

Один за другим высшие повторяли фразу принятия. Звуки сливались, наполнялись разными тембрами и расходились эхом по огромному праздничному залу.

Уверена, не поддержи меня двое сильнейших высших, остальные семьи тоже остались бы в стороне. Но спокойная уверенность Кеорсена и Рейшара давила на присутствующих, вынуждая повторять заветные слова. Кому-то из гостей они давались легко, другим казались едва ли не мерзостью — их выплевывали быстро, зло, будто не желая пачкать рот их произношением. Но, как бы там ни было, высшие всех двенадцати родов меня признали.

— Благодарю вас, уважаемые махры! — Маорелий улыбнулся, будто не замечая царящих в зале настроений. — А теперь предлагаю насладиться праздником! Счастливой Зимней ночи! — торжественно закончил он и кивнул музыкантам. Те с готовностью заиграли.

Я старалась сохранять на лице спокойное выражение, держаться уверенно и с достоинством. Увидев Кеорсена, растянула губы в вежливой улыбке. Я не позволю высшим заметить, какую радость во мне вызывает сильнейший из них.

— Ты молодец, — похвалил Кеорсен, оказавшись рядом. — Теперь держись, настоящая игра начинается именно сейчас. — Он протянул руку в приглашающем жесте. — Готова ко второму акту нашей грандиозной за-теи?

Я кивнула и вложила пальцы в крепкую ладонь. А уже в следующий миг Кеорсен закружил меня в танце.

— Не бойся, — тише произнес он, наклоняясь к моему уху, — тебе нечего опасаться. Пока идет праздник, никто не посмеет тебе навредить. Сегодняшняя ночь священна, и любое преступление в это время карается особенно жестко.

Снова кивнув, я попыталась выкинуть из головы беспокойные мысли. Для волнений еще будет время, а сегодня мой первый праздник зимней ночи, и я не хочу запомнить его полным страхов и волнений. Сегодня я буду наслаждаться.

Кеорсен вел уверенно, но мягко. Свет зачарованных огней казался волшебным, а падающий снег — даром Великого. Оторвав взгляд от магического убранства зала, я посмотрела на демона и утонула в его черно-серебристых глазах.

Интересно, всегда ли я буду чувствовать себя настолько защищенной в его объятиях? Не знаю. Но сейчас попроси меня кто прыгнуть в темную пропасть, сказав, что Кеорсен ждет внизу, я бы рискнула. Не задумываясь. С ним одним я чувствую себя готовой на любые безумства. И осознание этого пьянит сильнее любого игристого вина.

Вместе с последним аккордом мы замерли. Склонили головы в знак благодарности за танец и отступили ближе к стене, давая другим парам закружиться вокруг празднично украшенного иглолиста.

Тут же, будто ниоткуда, возник темный с подносом, уставленным бокалами с игристым вином. Кеорсен взял два и один из них протянул мне.

— Мои поздравления, дорогой братец. — Возле нас остановилась Амарелия, сверля демона хмурым взгля-

дом. — Твоя карта сыграла. Ты с самого начала это планировал? Поэтому просил заняться ее воспитанием?

Кеорсен улыбнулся:

— Ты меня переоцениваешь, дорогая. Но мне лестно.

Амарелия расслабленного настроения брата не разделяла. Она явно с трудом сдерживала kloкочущий в груди гнев. Серебро ее глаз подернулось алым.

— Надеюсь, интересы рода по-прежнему стоят для тебя на первом месте? Нашего, не Рингвардаадов! — свистяще выдохнула она.

— Не переживай, Ли. Я помню, как зовется наш род, — все с той же полуулыбкой ответил Кеорсен. — И не забивай свою прекрасную голову ненужными тревогами. Лучше наслаждайся праздником.

На секунду глаза демоницы полыхнули алым, но уже в следующий миг она смогла взять себя в руки.

— Разумеется, брат.

Еще несколько мгновений она вглядывалась в лицо Кеорсена, потом развернулась на каблуках и отошла к Верине. По дороге взяла с подноса проходившего темного высокий бокал с вином и осушила его залпом.

— Она недовольна, — отметила я очевидное.

— Если бы только она, — качнул головой Кеорсен. — Но насчет Ли не переживай. Она не ударит в спину.

— А вот я бы сейчас тебя точно ударила, — раздался сзади недовольный голос.

Я обернулась и встретилась взглядом с Лунарой.

— Привет. — Мои губы дрогнули в улыбке. — Рада тебя видеть.

— Рада? Рада?! Ты издеваешься?! Еще, может, скажешь, что скучала?

— И это тоже. — Моя улыбка стала шире.

— Ты могла хотя бы дать знать, что в порядке!

— Лу, сдержаннее, — холодно напомнил Кеорсен.

Лунара осеклась, бегло огляделась, удостоверилась, что все вокруг слишком заняты обсуждением главного события ночи, чтобы заметить эту вспышку гнева. Потом вновь повернулась ко мне.

— Прости, я правда очень хотела, — поспешила заверить ее, — но не могла.

— Прощу, — буркнула она. — Но если поступишь так хотя бы еще раз, в жизни с тобой не заговорю, Рингвардаад!

Я вновь не смогла сдержать улыбки. Станным образом недовольство демоницы наполняло мое сердце радостью. За фасадом раздражения и обиды чувствовалось плохо скрытое беспокойство. Лунара переживала. За меня. За простую человечку, какой я оставалась в ее памяти все эти недели.

Только я открыла рот, собираясь уверить, что тоже волновалась, как слова вдруг закончились. Заметив перемену в моем настроении, Лунара обернулась и тихо выругалась.

— Побудь пока в стороне, — приказал Кеорсен, и она поспешно отошла.

Я же крепче вцепилась в бокал, словно он был соломинкой, удерживающей меня на поверхности набирающего силу водоворота.

— «Разве это возможно?» — спросил я себя, едва увидев наследницу Маорелия, — громко произнес Леорен, подходя ближе. — Но теперь вижу, что глаза меня не подвели. Ох, моя дорогая, огорчен безмерно! Я все же так надеялся в ближайшее время увидеть вас гостьей моего центра!

Каждое слово падало к моим ногам будто ядовитыми змеями. Казалось, пошевелись я, и опасные твари тут же вцепятся в незащищенную платьем кожу.

— Доброй ночи, Леорен, — заговорил Кеорсен, переводя внимание на себя.

— Доброй, да, — согласился высший, вздыхая. — Но все же печальной... — Его взгляд снова метнулся ко мне. — И все-таки я должен был догадаться. Ведь не могла меня поразить простая человечка! Ох, порой Великий так жесток к нашим надеждам.

Я держалась изо всех сил, не позволяя себе поддаться страху. В памяти против воли всплыли картины центра репродукции, женщин в длинных серых рубашках, детей... Желудок предательски сжался.

Нет! Не сдаваться!

— У Великого на все свои причины, — выдавила я, стараясь говорить ровно.

— Ох, как это верно, но как печально! — снова вздохнул Леорен. Потом обменялся еще парой фраз с Кеорсеном и наконец откланялся.

Едва пугающий меня высший зашагал прочь, я осушила бокал до дна. Кеорсен без лишних слов забрал его у меня и передал возникшему темному. От предложенного полного отказался.

— Я не стану извиняться за тот визит в центр, если ты этого ждешь, — произнес он, глядя мне в глаза.

Я мотнула головой. Знала, сама природа высших не позволила бы Кеорсену поступить иначе. Но все же от страха перед Леореном и его центром, боюсь, мне никогда не избавиться. Однако уже совсем скоро пришлось спешно выкидывать тревожные мысли из головы и придать лицу спокойное выражение — очередной высший желал поздороваться.

Весь остаток ночи мне приходилось общаться с представителями двенадцати родов. Кто-то из демонов держался невозмутимо, кто-то — исподтишка или в откры-

тую пытался задеть. Разумеется, высшим не давало покоя мое человеческое происхождение.

Через несколько часов я отвечала, едва вслушиваясь в вопросы. Уставший разум просто отказывался фокусироваться на одинаковых насмешках, холодных комментариях и надменности. Несколько раз я мысленно возблагодарила Кеорсена с Рейшаром, которые знали, что так будет, и неоднократно устраивали мне «пробные экзамены».

Первый, помню, я провалила. Да и второй тоже. Ладно, и третий.

Насмешки над моей человеческой сущностью, над рабским происхождением, презрение к моей матери, отчетливо звучащие в каждом слове, — они вызывали во мне либо гнев, либо бессильные злые слезы.

Но только ни Кеорсен, ни Рейшар не позволяли мне сбегать в такие моменты — напротив, заставляли выслушивать ранящие сердце выпады снова и снова. Они были жесткими учителями. Порой даже жестокими. Но сейчас их уроки принесли плоды: я смогла пережить ядовитые разговоры и не показать своего к ним отношения.

Когда горизонт подернулся оранжево-алым, слуги открыли двери на балконы, защищенные заклинаниями от холода и ветра. И гости вышли встречать первый рассвет нового солнца.

Я стояла немного в стороне от основной толпы. Опершись ладонями на мраморные перила, я смотрела на медленно светлеющее небо и думала, какой будет моя жизнь. Сколько еще восходов мне отмерено? Новое солнце с каждым днем будет становиться все сильнее, отвоевывая у ночи заветные минуты. Смогу ли я подобно ему отвоевать то, чего так желаю? Право не только на жизнь, но и на нечто большее.

То, что еще совсем недавно было моей единственной целью, перестало казаться достаточным. Может, я становлюсь жадной? Или дело в пробудившейся демонической половине? Ответов не было, лишь крепнущее день ото дня стремление не просто выжить, а стать счастливой.

Я искоса взглянула на Кеорсена, стоящего неподалеку. Словно горизонт, разделяющий землю и небо, он отсек меня от большинства присутствующих. Дал возможность встретить новое солнце в спокойствии и гармонии. Он не спрашивал, хочу ли я этого, а понял сам.

«Останься со мной, Сати, — прозвучал в голове его голос. — Я прошу именно тебя. Не наследницу Рингвардаадов, не полудемоницу, способную разрушать магию, а тебя — мою маленькую смелую мышку».

Я хочу остаться. Сейчас, глядя на новое солнце, поднимающееся все выше над снежными шапками, я осознала это как никогда четко. Точнее, я всегда это знала. Просто боялась признаться. Даже самой себе.

Но только... имею ли я право? Несмотря на мой новый статус, высшие не примут меня. И особенно в качестве пары сильнейшему из них. Так смею ли я подставлять Кеорсена? А Лунару? Амарелию? Других высших из рода Артенсейров?

Нет. По крайней мере, пока не изменю представления двенадцати семей обо мне. Я хочу, чтобы они видели во мне не получеловечку — слабую, нуждающуюся в покровительстве сильного, — а одну из них. Ту, с кем бы им приходилось считаться. Пока не знаю как, но я найду способ добиться этого.

— Вот увидишь, — пообещала я новому солнцу.

ГЛАВА 2

Праздник закончился вместе с первым восходом нового солнца. Уставшая, я добрела до покоев, скинула красивое платье прямо на пол и рухнула на кровать.

Белоснежные простыни дарили коже прохладу, одеяло мягко придавливало сверху, даря ощущение приятной тяжести. Голова утопала в подушках, от которых едва ощутимо пахло лавандой...

Новая кровать была большой и удобной, но только в мыслях я снова и снова возвращалась к другой — маленькой, жестковатой. Той, на которой меня обнимал Кеорсен. Я хотела чувствовать его тяжесть, а не одеяла, вдыхать его запах вместо лавандового, скользить руками по его телу, а не пустым простыням... И от этих фантазий становилось жарко.

Я ворочалась, искала удобную позу, но никак не находила. Вымотавшись окончательно, я просто обняла одну из подушек, прижала к себе и наконец заснула.

Проснувшись я ближе к обеду. Вставать не хотелось. Выходить из покоев и снова встречаться с напыщенными высшими — тем более. Однако я нашла в себе силы сначала сесть, а потом и выскользнуть из постели.

Босиком, на цыпочках я пробежала до окна, рывком раздвинула шторы и впустила в комнату солнечный

свет. Сладко потянулась в его лучах и обернулась, услышав стук в дверь.

В спальню с поклоном вошла высокая, худая как жердь темная демоница.

— С пробуждением, махра, — почтительно произнесла она.

Я оглядела вошедшую. Отметила ее короткие, явно подпиленные рожки, заплетенные в косу черные волосы. Строгое серо-синее платье и выглядывающие из-за спины сгибы крыльев.

— Благодарю. А вы?..

— Грамедея, — поспешила представиться она. — Ваша камеристка. И прошу вас, махра, обращайтесь ко мне на «ты».

Камеристка? У меня?!

Кажется, Кеорсен вскользь упоминал о подобном. Тогда я не придавала значения услышанному, теперь же изо всех сил старалась не дать удивлению стать заметным.

— Вы определились с нарядом, махра? — вновь подавала голос темная, не дождавшись ответной реплики.

Я нахмурилась, и демоница поспешила добавить:

— Первая совместная трапеза после Зимней ночи с представителями всех родов. Согласно традициям, это должно укрепить отношения между семьями. Ни один высший не может покинуть замок до окончания обеда.

— Разумеется. — Я кивнула, вспоминая. — Насчет наряда... — на секунду задумалась.

Еще в лесном домике Тина сняла с меня мерки, по которым Маорелий заказал платье на праздник зимней ночи и новый гардероб, достойный его наследницы. Но только утром я была настолько уставшая, что даже не заглянула в него.

— Платье в пол, дорогое, но без излишеств. Цветов рода, — сухо перечислила я.

Грамедея поклонилась и поспешила в гардеробную. Я же направилась в ванную. Совсем скоро ко мне подошла камеристка и помогла с утренними (или все же дневными?) процедурами. Потом мы вернулись в спальню.

Выбор демоницы мне понравился. Насыщенно-синее платье, расшитое по линии декольте и подолу, открывало плечи и часть спины. Дорогие ткани, мерцающие камни в орнаменте узора, расширяющаяся книзу юбка. Все именно так, как я хотела.

Одевшись и дополнив наряд родовыми украшениями Рингвардаадов, я вышла в коридор. Идти старалась неспешно, держа спину и плечи идеально прямыми. Лишь у входа в столовую я на секунду замерла. Мне не хотелось добровольно запускать руку в змеиное гнездо, но, боюсь, я давно уже это сделала.

Глубоко вздохнув и вздернув подбородок, я решительно пересекла последние метры и переступила порог.

— Доброго дня, уважаемые махры. — Внутренне возликовала, отметив, что мой голос звучит спокойно и уверенно.

Под пристальным вниманием собравшихся я прошла вдоль длинного стола и села слева от Маорелия. По правую руку от него сидел высший с темно-синими глазами — отличительной чертой рода Рингвардаадов. Только относится он, насколько я помню, ко второй ветви семьи. Хемильдеор — советник и ближайшее доверенное лицо Маорелия.

Вместе со мной занимали места высшие, что прибыли последними. А едва все расселись, слуги начали выносить закуски.

— Прошу простить мое любопытство, — подал голос щуплый высший с бледно-голубым, точно выцветшим взглядом, — но я бы все же хотел узнать у махры Сатреи, не поделится ли она с нами впечатлениями. Насколько жизнь высших отличается от жизни людей? Сильно ли разнятся ощущения?

Я повернулась к говорившему. Лерден Вирсейр — глава седьмого рода и, вероятно, мой главный противник. Интересно, он сам понимает, насколько нелеп заданный им вопрос? Пытаться сравнить положение рабов и их хозяев? Он смеется? Хотя о чем я? Конечно, смеется. Надо мной. Над моим происхождением и обретенным прошлой ночью статусом.

— Боюсь, я не в силах сравнить в полной мере, — ответила спокойно, принимаясь за рулет из телятины. — Мне повезло вырасти свободной. Вероятно, о жизни рабов я знаю даже меньше вашего.

Сдержанно улыбнувшись, я обмакнула отрезанный кусочек в брусничный соус, мысленно прикидывая, насколько хорошо его цвет смотрелся бы на голове Лердена.

Голубоглазый демон хмыкнул.

— Скажите, вы ведь были воспитанницей махры Амарелии? — спросила высшая в дорогом платье янтарного цвета.

Я мельком посмотрела на сестру Кеорсена, после чего перевела взгляд на говорившую.

— Это так. — Мой голос прозвучал размеренно и мягко. Всем своим видом я пыталась показать, что чувствую себя уверенно, что не боюсь. — Мне повезло иметь в наставницах такую высшую, как Амарелия: прекрасную, умную, целеустремленную. Я искренне благодарна ей за заботу и внимание.

— И она не обращалась с вами как с игрушкой? — Демоница удивленно хлопнула ресницами. Слишком старательно, чтобы поверить в искренность ее эмоций. — Это все-таки так для нас естественно... — добавила она, бросая взгляд на остальных присутствующих.

Кто-то из сидящих за столом едва заметно кивнул, соглашаясь.

— Нет. — Я снова позволила себе сдержанно улыбнуться. — Амарелии нет нужды развлекаться таким образом. Для этого у нее слишком утонченный вкус.

— Махра Сатрея...

А вот эту демоницу я знаю. Не лично, разумеется, но на вечере Кеорсен показал своих ближайших родственников. Да и серебряный взгляд слишком явно выдает ее принадлежность к Артенсейрам.

Я повернулась к Амадейне Марваде-Артенсейр — матери Лунары.

— Прошу простить мне мое любопытство, — продолжила она, — и если вопрос покажется слишком личным... уверена, мы все пойдем, если вы оставите его без ответа.

Чем более витиевато пыталась говорить Амадейна, чем слаще казалась ее улыбка, тем беспокойнее становилось у меня на душе.

— Скажите, рассчитываете ли вы составить партию одному из представителей нашего общества, как в свое время поступила ваша матушка? Только официально, разумеется, — добавила она, еще шире растягивая губы.

В груди обожгло вспыхнувшим гневом. Слишком отчетливо звучала насмешка, слишком старательно Амадейна пыталась задеть, и слишком страшно мне было отвечать на этот вопрос.

— Боюсь, мне рано думать о подобном. Для начала хотелось бы стать достойной дочерью своего отца, истинной наследницей рода.

— Конечно, — с готовностью отозвалась Амадейна, — но ведь отмеренный вам Великим срок короче нашего. Кто знает, сколько у вас осталось времени.

— Вы советуете мне пойти против воли Великого? — Я подарила демонице лукавую улыбку. Точнее, мне очень хотелось, чтобы она казалась лукавой, а не напряженной, выдавленной через силу. — Если мне действительно отмерено мало времени, я хотела бы провести его с отцом в родовом замке.

Серебристые глаза прищурились. Причем, как мне показалось, не только у Амадейны, но и у Кеорсена, внимательно прислушивающегося к нашему разговору.

— Дорогие друзья, — взял слово Маорелий. — Я понимаю ваш искренний интерес к личности моей дочери. Уверяю вас, некоторые вопросы я сам не прочь ей задать. — Несколько высших за столом улыбнулись. — Но сейчас, прошу вас, давайте просто разделим первую совместную трапезу. Уверен, впереди нас ждет много новых встреч, и вы сможете познакомиться с Сатреей поближе. А познакомившись, проникнитесь к ней самыми добрыми чувствами.

Услышав последнюю фразу, я едва сдержала усмешку. Представить высших, воспылавших «самыми добрыми чувствами» к полукровке, не получалось при всем желании. Впрочем, всегда остается шанс, что мы с демонами по-разному понимаем значение этого выражения.

После речи Маорелия разговоры за столом потеки в более спокойном русле. На меня если и бросали недовольные взгляды, то лишь урывками, ненадолго. Будто

желали убедиться, что получеловечка еще здесь и не привиделась им, словно мираж в пустыне.

А после обеда, как и говорила Грамедя, демоны начали отбывать. Один за другим они прощались с Маорелием в порталном зале и ступали в туманные зевы переходов. Рейшар, подарив мне напоследок ободряющую улыбку, тоже покинул замок.

Последними у открытого ока портала остались Амадейна с Лунарой.

— Праздник вышел изумительным, — сверкнула белозубой улыбкой старшая из демониц. — Уверена, его еще долго будут помнить. — Улыбка на мгновение уступила место холодной усмешке, выдавая всю гамму вложенных во фразу чувств.

— Искренне рад, что ночь вышла незабываемой. — Маорелий же держался очень спокойно. Так, будто и не заметил попытки ужалить.

Амадейна хмыкнула. Потом бросила взгляд на дочь — та держалась на почтительном расстоянии.

— Пошли, Лу. Еще раз благодарю за гостеприимство. — Развернувшись, Амадейна первой шагнула к portalу. Маорелий шел рядом, оставаясь в образе радушного хозяина.

Едва высшие повернулись к нам спиной, Лунара бросила мне скомканный шариком лист бумаги. Я ловко перехватила его в полете, сжала в кулаке и завела руку за спину.

— Луна? — позвала Амадейна, мельком глянув через плечо.

— Иду, — откликнулась она и поспешила к portalу.

Я же продолжала стоять со сдержанной полуулыбкой, сжимая в пальцах драгоценное послание.

ГЛАВА 3

Опустевший замок казался пугающим. Нет, в нем сновали слуги, слышались звуки приглушенных шагов и разговоров, но без Кеорсена я чувствовала себя потерянной и совершенно одинокой.

Ему пришлось уйти вместе со всеми. На этом настаивал Маорелий, да и сам Кеорсен признавал, что его длительное пребывание в замке может породить ненужные слухи. И без того поддержка со стороны двух сильнейших высших выглядит подозрительно. Не стоит усиливать настороженность двенадцати родов.

За праздничную ночь я несколько раз видела отца Кеорсена, но подойти так и не решилась. Сам он, в отличие от многих, интереса ко мне не проявил. Просто скользнул равнодушным взглядом и переключился на стоящего рядом с ним демона.

Думаю, высшему его уровня просто нет дела до какой-то полукровки из шестого. А вот ближайшие семьи, как и предполагал Кеорсен, заметно оживились. И больше всех — Лерден Вирсейр.

Именно о нем предупреждала Лунара. В ее записке были нацарапаны всего три слова: «Ближайшие ударят первыми». Именно Лерден — глава седьмого рода — по уровню силы стоит ближе других к Маорелию. Близко, но все же недостаточно, чтобы бросить вызов и сместить

Рингвардаадов по иерархической лестнице вниз. И этот факт явно не давал ему покоя.

За размышлениями я дошла до библиотеки, пробежалась пальцами по широким корешкам книг. Только хотела достать том, посвященный истории рода Рингвардаадов, как меня окликнули:

— Махра Сатрея. — На пороге комнаты стояла Грамедя, перекинув через руку подбитый мехом плащ. — Ваш отец просил передать, что будет ждать вас у восточного выхода через пятнадцать минут. Позвольте указать дорогу?

Не понимая причин происходящего, я все же кивнула и приняла у камеристки плащ.

Мы спустились на первый этаж, миновали галерею и большой каминный зал, свернули в прилегающий коридор и очутились у восточного выхода. Едва мы вышли на улицу, Грамедя поклонилась и вернулась в замок. Я же осталась ждать появления Маорелия.

С неба падала снежная крошка. Налетающие порывы ветра кидали ее мне в лицо, и я спешно натянула капюшон, прячась от непогоды.

— Спасибо, что пришла так быстро, — раздался сбоку голос Маорелия.

Я повернулась, отогнула край темно-синей ткани и посмотрела на демона.

— Пойдем, — произнес он и первым зашагал в одном ему ведомом направлении. Я поспешила следом.

К счастью, далеко идти не пришлось. Спустя минут пять мы нырнули под крышу вытянутого приземистого строения. Запах сена, тихое фыркание, стойла, протянувшиеся друг за другом вдоль обеих стен, — конюшня замка Рингвардаадов выглядела чистой и очень ухоженной.

Пройдя почти в самый ее конец, мы остановились возле одного из денников. В нем, запертая деревянной дверцей, стояла лошадь. Высокая, крупная, светло-коричневая, с белоснежной гривой и темно-вишневыми глазами. Из бархатных ноздрей с шумом вырывался пар, мощные челюсти лениво чем-то хрустели.

— Ты знаешь, что это за порода? — Маорелий повернулся к животному. — Это грайсерский конь. Они по праву считаются лучшими, и обладать ими могут лишь высшие. Отныне ты одна из нас, Сати, и этот конь — мой тебе подарок.

Я с недоумением посмотрела на демона:

— Но ты же уже вручил мне подарок на праздник зимней ночи.

Маорелий улыбнулся:

— Бердер — подарок не на праздник. Это дар моей наследнице, новой демонице рода Рингвардаадов.

Я перевела взгляд на коня:

— Его так зовут? Бердер?

— Да. Но если захочешь, можешь выбрать ему другое имя.

Конь тихо фыркнул, будто предложение демона его позабавило. Потом тряхнул гривой, переступил стройными ногами. Я следила за его движениями, чувствуя смутное беспокойство. Оно разрасталось, слово туман, окутывало меня, ложась на плечи вторым плащом. А я все пыталась понять, что же именно меня так настораживает в подарке Маорелия.

— Почему сейчас? Почему не раньше? Не позже?

— Раньше не было времени, — спокойно отозвался высший. — А тянуть дальше я не видел смысла. У любого достойного наследника есть грайсерский конь. Таково негласное правило, показатель доверия рода. Зная,

что у дочери Рингвардаадов нет обязательного атрибута, никто и не стал бы рассматривать ее кандидатуру.

— На что? — Я повернулась к Маорелию и встретила его внимательный взгляд.

Туман беспокойства уплотнялся.

— На брачное соглашение, разумеется.

— Что? — изумленно выдохнула я.

— Тебе нужна защита, дорогая. Поддержка. И младший сын Лердена станет прекрасным выбором.

— О чем ты? Лерден Вирсейр, возможно, самый опасный для меня высший, а ты...

— Вот именно, Сати! — перебил меня Маорелий. — Но нам повезло. Торрел, его младший сын, магически слаб. Он никогда не смог бы претендовать на демониц вышестоящих родов. Даже восьмой и девятый дома с большой долей вероятности отвергли бы его предложение. Так что Лерден точно не упустит возможности породниться с нашей семьей. Этот брак обезопасит тебя от самого Лердена и от тех, кого он может на тебя натравить. Ведь Лерден до последнего будет лелеять надежду, что его внук возглавит род Рингвардаадов.

— Нет! — Я отступила на шаг, не сводя с Маорелия взгляда. — Ни за что!

Казалось, будто туман свернулся змеей и кольцами обвил мою грудь.

— Не глупи, Сатрея. Это упрочит твое положение, обезопасит на многие десятилетия.

— Нет! — упрямо повторила я. — Зачем вообще было принимать меня в род, если сразу после этого ты хочешь отправить меня в другой?

Маорелий нахмурился:

— Отправить? Нет же, Сати, наоборот. Наследники никогда не покидают своего рода. Напротив, их супруги

вступают в свою новую семью. Торрел станет Рингвардадом.

— Я не хочу!

Невидимая змея скручивалась все сильнее. В груди закололо.

— Сатрея! — прикрикнул Маорелий. — Ты наследница первой ветви, но я — глава. Ты не посмеешь меня ослушаться. Я пытаюсь тебя защитить, глупая!

— Кеорсен меня защитит!

Он смерил меня тяжелым взглядом:

— Не защитит, Сати.

— Неправда! Все это время он только и делал, что оберегал меня!

— Может быть, — согласился Маорелий. — Но сколько продлится его помощь? И что ты будешь делать, когда ему надоест играть с тобой? Мы не ровня первому роду, и забывать об этом глупо. Только брак гарантирует тебе пожизненную защиту со стороны супруга и его семьи. А Кеорсен, уж прости, дорогая, никогда на тебе не женится. Хотя бы потому, что давно обручен с Вериной Моргран.

Невидимая змея страха и отчаяния резко сжалась, смяла мои ребра и вспорола их осколками доверчивое сердце.

Я плохо помню, как вернулась в покои, как вообще нашла до них дорогу и что пыталась сказать мне Грамедя. Отослав ее, я заперла двери и опустилась прямо на пол. В душе царила пустота. Мыслей тоже не осталось. Казалось, будто вместо меня в комнате сидела лишь оболочка, не способная думать, чувствовать. Невидящим взглядом я скользила по ковру и моргала, пытаюсь избавиться от режущей глаза сухости. Слез не было. Гнева, как ни странно, тоже. Только высасывающая душу апатия. Бесцветная и пустая.

Не знаю, сколько я так просидела. В себя пришла, когда комната погрузилась в полумрак. И то — от требовательного стука в дверь.

— Сатрея!

Непроизвольно мои руки взметнулись вверх, зарылись пальцами в волосы, зажали уши. Я не хочу слышать его голос. Только не его.

— Сатрея, открой немедленно! Иначе, клянусь Великим, я выломаю эту дверь!

Я не пошевелилась. Сжалась, подтягивая колени к груди, и уперлась в них лбом. Вздогнула от раздавшегося стука и сильнее прижала ладони к ушам.

— Когда на город опускается метель... И застилает белой пеленой... — тихо запела, стараясь своим голосом заглушить тот единственный, который одновременно хотела услышать и не желала слышать больше никогда.

— Сатрея!

Новый удар.

— В миру Двенадцати, где рабство для людей...

— Проклятье! Сатрея!

Еще удар.

— Откроется проход, но в сердце дверь закрой...

В следующий миг разделяющая нас преграда взорвалась, не выдержав натиска демонской силы. А затем меня грубо схватили за плечи и рывком вздернули на ноги.

— Какого низшего, Сатрея?! — прорычал Кеорсен, впиваясь в меня алым взглядом.

— Отпусти. — Я слабо дернулась.

— О нет, мышка, — протянул он, приближая свое лицо к моему. — Ты моя, не забыла? И я буду делать с тобой, что захочу.

Вновь ощутив себя игрушкой, я вспыхнула вмиг. Ушедшие было эмоции и чувства разом вернулись, подожгли меня и придали сил.

— Я не принадлежу тебе, демон, — выдохнула, прожигая его не менее взбешенным взглядом. — И никогда не стану твоей! Ни игрушкой, ни мышкой — никем!

— Что, — Кеорсен прищурился, — нашла себе нового покровителя?

— А даже если и так, что с того?

Его взгляд полыхнул с новой силой.

— Ты не сможешь быть ни с одним другим высшим! Ты — моя! И только моей ты останешься!

— Боюсь, твоя будущая жена не оценит подобного. Или, может, спросим у Верины лично?

— Кто рассказал тебе?

От низкого раскатистого голоса все внутри затрепетало. Только вот не от страха. Несмотря на принятое решение держаться от Кеорсена подальше, все во мне отзывалось на его слова и голос. Сама душа тянулась ему навстречу. И сознательно удерживать ее в клетке самоконтроля было невыносимо.

— Так кто? Маорелий?

— А тебя волнует только это? — Я горько усмехнулась и дернулась в новой попытке высвободиться. Не яростно, скорее устало. — Отпусти меня, высший.

— Никогда, Сати. И никому не отдам.

Руки демона сжимали меня сильно, но в то же время осторожно. Кеорсен будто чувствовал ту грань, за которой мог навредить мне, и, даже поглощенный яростью, не позволял себе ее переступить.

— Я больше не человек по вашим правилам. Теперь я не принадлежу тебе.

— Мне плевать на правила! — прорычал Кеорсен и попытался притянуть меня к себе, но я уперлась ладонями ему в грудь, не позволяя сократить расстояние между нами.

— А на мои желания тебе тоже плевать? — спросила тихо, заглядывая в алые глаза.

Даже такие, пугающе-красные, они нравились мне. Если бы только могла, я бы смотрела в любые. Его. Вечность и даже дольше. Если бы только могла...

— Отпусти меня, — выдохнула я и удивленно моргнула, когда демон послушно выполнил мою просьбу. — А теперь уходи и никогда не возвращайся.

Лицо Кеорсена дернулось, а потом застыло пугающей маской.

— Уверена, что желаешь именно этого? — холодно произнес он. Даже голос его изменился.

Заставить себя ответить вслух я не смогла, поэтому кивнула.

Я не хочу, чтобы он улетал. Он нужен мне. Нужен! Но делить его с другой я не в силах.

— Как пожелаете, махра Рингвардаад, — процедил он. Потом развернулся и вышел, оставив меня кусать губы и трястись в беззвучном плаче.

Этой ночью я спала плохо. Просыпалась, подолгу смотрела в потолок и упорно гнала воспоминания прочь. Но они возвращались. Я думала о том, какие чувства Кеорсен рождает во мне с самого первого дня. Страх, гнев, ненависть, гордость, интерес, трепет... желание? Да, было и желание. Но теперь вместо яркого калейдоскопа эмоций осталось лишь одно — горечь.

Когда за окнами посерело от приближающегося рассвета, я поняла, что уже не усну. Встала, распахнула шторы и хмуро уставилась на черный силуэт леса.

Интересно, если бы я не рискнула покинуть дом моей матери, какой была бы моя жизнь? Узнала бы я о Верине? Или так навсегда и осталась бы тайным увлечением, скрытым от всего мира в лесной чаще? Глупые вопросы. Пустые. Но только я никак не могла выкинуть их из головы. Прокручивала снова и снова и увязала в фантазиях, обещающих счастье в обмен на ложь.

Устав от гнетущих мыслей, я ушла в ванную. Долго отмокала в теплой воде, потом вылезла, завернулась в длинный халат и возвратилась в спальню.

На туалетном столике, касаясь овального зеркала огромными бутонами, в высокой вазе стояли розы. Синие, как родовой цвет Рингвардаадов.

Что? Неужели Кеорсен решил извиниться таким способом?

В груди вспыхнул гнев. Причем не на демона — на букет. Словно символ открывшейся тайны, подтверждение ее правдивости, он злил меня. Быстрым шагом я пересекла комнату и выхватила из вазы цветы. Поддаваясь бушующим в груди эмоциям, с силой сжала длинные стебли. Ощутила, как острые шипы впились в ладонь, но не ослабила хватки. Сейчас даже эта боль была мне желанна.

Вгляделась в прекрасные цветы, а потом размашистым движением выкинула их в корзину. Не нужны мне подачки! Мне нужен Кеорсен! Весь! Без остатка!

От удара несколько бутонов оторвались и упали, роняя синие лепестки на ковер. Вместе с ними упала небольшая карточка. Подойдя, я подняла ее:

«Некоторым мечтам лучше оставаться мечтами, а некоторым людям — людьми. Надеюсь, ты насладились праздником. *Рейшар*»

Едва я дочитала, карточка вспыхнула, обжигая пальцы, и рассыпалась пеплом. Я собиралась стряхнуть его с ладоней, но замерла, с ужасом на них глядя. От кровотокащих уколов, оставшихся после шипов роз, по коже расползалась черная вязь. Змеясь, она тянулась от ладоней к запястьям и выше. Кожа под ней полыхала, болезненно пульсировала.

Во рту пересохло, язык шершавой щеткой прилип к небу. Зрение поплыло.

Что это? Яд? Но не мог же Рей...

Додумать я не успела. Мир резко закружился и — померк.

ГЛАВА 4

Сознание возвращалось с трудом. Едва ли не силой я выталкивала себя из вязкого марева небытия. Голову стянул невидимый обруч, в висках пульсировало. Я попыталась пошевелиться и застонала от взорвавшихся перед глазами слепящих вспышек.

— Все хорошо, — раздался рядом обеспокоенный голос Маорелия. — Если ты пришла в себя, значит, самое страшное позади.

— Махр, ей нужно это выпить. Станет легче.

— Спасибо, Хемильдеор... Сатрея, открой рот. Ну же.

Едва я совладала с онемевшими губами, на язык полилась горькая жидкость. Я закашлялась, попыталась вдохнуть и закашлялась еще сильнее. От судорожных движений фейерверк в голове взорвался с новой силой.

— Все, дорогая, все позади. Отдыхай.

Я хотела уточнить, что же случилось на самом деле, хотела узнать, прилетал ли Кеорсен, хотела попросить воды, чтобы перебить горький привкус на языке, но сознание вновь закружилось, и я провалилась в сон.

Во второй раз пробуждение далось легче. Голова все еще болела, но несильно — скорее неприятно ныла. Даже вернулась ясность мыслей. Я смогла вспомнить заботу Маорелия, Хемильдеора... а потом и все, что слу-

чилось ранее. Воздуха резко перестало хватать, к горлу подступила тошнота. Ладони вспотели.

Ладони... ладони...

Медленно, контролируя каждый вдох и выдох, я заставила себя преодолеть страх и посмотреть на них. Кожа выглядела бледной, с едва заметными розовыми точками затянувшихся проколов, но без пугающих черных змей. Я с облегчением выдохнула. Потом огляделась.

Это точно моя спальня. Судя по льющемуся сквозь неплотно задернутые шторы свету, сейчас день. На ночном столике стоял бокал с водой. Я сглотнула. Смутная до этого жажда тут же заявила о себе. Язык шевельнулся, и я почувствовала желание ощутить прохладную жидкость. Но было страшно. Вдруг там тоже яд?

Взгляд зацепился за серебряный колокольчик позади бокала. Схватив его, я несколько раз трянула рукой. И совсем скоро — не прошло и пары минут — в спальню вошла Грамедя, а затем и Маорелий с Хемильдеором.

— Что-то желаете, махра? — с поклоном уточнила камеристка.

— Воды, — выдохнула я. — Если можно, свежей.

Прежде чем успела ответить Грамедя, заговорил Хемильдеор:

— Она безопасна. Вам нечего бояться, махра, уверяю.

Маорелий согласно кивнул. Демоница же с готовностью кинулась к ночному столику и подала мне бокал, а едва я опустошила его, с поклоном покинула комнату.

— Что со мной произошло? — спросила я, как только мы остались втроем. — Это был... яд?

— К сожалению, — сдержанно отозвался Хемильдеор.

— Не просто яд, — вздохнул Маорелий, опускаясь на край кровати. — «Шепот прошлого» — самый опасный среди них. Его почти не обнаружить артефактами или считающимися заклятиями, а попав в тело жертвы, он растворяется в течение получаса. Не найди тебя Грамедя, не заметь она «вязь прошлого» на твоих ладонях, ты бы умерла. И никто бы не понял отчего. Это Кеорсен? — Взгляд синих глаз стал колючим, цепким.

— Что? Нет, конечно.

— Но он был у тебя. Вопреки моему желанию был.

Я нахмурилась. Маорелий пытался запретить Кеорсену со мной видеться?

— Это ведь он разнес дверь? Что между вами произошло? — допытывался Маорелий.

— Он... ничего, — поочередно ответила я на оба вопроса. И, поймав неодобрительный прищур, пояснила: — Не знаю, зачем он приходил, но я сказала, что не хочу его больше видеть. Он ушел. На этом все. Цветы... цветы уже стояли на туалетном столике, когда я вошла.

Ложь соскользнула с языка очень естественно. Словно ничего другого я и не могла ответить.

— Странно, — заметил Хемильдеор.

— Там была записка? Что-нибудь?

— Не... нет.

— Уверена?

— Я бы заметила. — Мои губы дрогнули в слабой улыбке.

Маорелий задумчиво нахмурился. Потом потрянул головой, будто отгоняя непрощенные мысли, и поднялся.

— Ладно, дочка, ни о чем не волнуйся. Мы обязательно найдем того, кто это сделал. А пока отдыхай. Тебе чудом удалось выжить.